

АЛЕКСАНДР ГАЛЬПЕР

Глушь

Косте Кузьминскому

150 миль от Нью-Йорка
Зомби захватили три гектара
Непроходимых и никому не нужных лесов
У них светятся глаза
Когда они расстреливают свиней
Из пулемета "Максим" образца 1914 года
Или глушат водку как воду
Или марихуану выращивают как тюльпаны
С пулями во лбу там бегают резвые поросята
Поезда из прошлого привозят туристов
Щелкающих фотоаппаратами
И мечта зомби о покое после смерти
Разбивается с каждым отснятым кадром

2002

На Балконе у Кузьминского

Садится солнце на унитаз гор
Шепчет заклинания речка Делавэр
Резвятся на рельсах заброшенной узкоколейки
Влюбленные американские косули.
Бородатый мэтр-шаман щелкает зажигалкой
И пускает дым:
Вы Гальпер хотите невозможного
Поэт и удачная личная жизнь не рифмуются
Правда знал исключение
Леонид Аронзон
Красив как бог
Гениальные стихи,
Влюблён в собственную жену
Застрелился в 31.
Направил ружье в сердце
Чтобы не уродовать лицо.

Испугался что райская гармония
Не может продолжаться вечно.

2008

На Смерть Кузьминского

Один друг мне сказал, что
Поминки по Кузьминскому должны быть
С водкой из горла и килькой
На детской площадке,
Где Костя выгуливал своих борзых.

Другой – что в русском ресторане на Брайтоне.
Уж Кузьминский-то был точно имперцем и ватником.
Обвязать портрет георгиевской ленточкой!

Третий утверждал, что Костя любил Украину,
Писал стихи на украинском,
Ненавидел Путина и ФСБ.
В украинской корчме надо помянуть
С горилкой и салом.

Четвертый доказывал,
Что Костя вообще плевал на политику.
Такой гурман!
Любитель устриц и молоденьких женщин!
Такого надо провожать
В хорошем французском ресторане.

И тут я понял, что у каждого свой Кузьминский,
Как-будто никакого Кузьминского не было.
Было увеличительное стекло,
Разжигающее огонь любой души в сто раз.
Теперь этот телескоп уже сам на небесах:
Бегает с саблей за Эмили Дикинсон,
Спускает борзых на Ахматову,
Пьет литрами водку с Довлатовым,
Ругается с Бродским.

2015

ПЕТР ЧЕЙГИН

Памяти ККК

(из книги "Ижорская скамья")

Не по рифме-заботе галер,
потерявшей значенье на марше
той обугленной лестницы-жажды,
что по имени звал я однажды
и забвением краску согрел.

Не по своду размноженных крыш,
прошнурованных светом фонарным,
на Кузнечном разводами Нарвы
напластается сумрак ковёрный,
на котором вступленье проспишь.

Ты -- бесплотная, с первого дня
огорчённую строишь кантату
на подбитом гвоздями заката
переулке с костями утраты
где на «ты» отзывается «я».

Ты откликнешься гранью в музей,
где проведаль друзей спозаранок,
где кормилец с острожною раной
отвлекал от подруженьки бранной
ясным громом кирпичных фузей.

Надышать вам любви с напёрсток?
Ибо рвотного года кора
в этом паводке злого добра
не отколется словно гора
от пустыни с кошачьим проворством.

Где твой прах? Он смешит не ручей,
а колодезный ствол голоданья,
и поребрик слюной увяданья
раскошелится, смочет касаньем
перекрестье бульварных лучей.

Умер Кока. В похеренной Трое
нам на вынос дают белый ром.
И столетье проскочит углом.
Но Невы обожаемой бром,
тело в сердце твоём успокоит.

2015

ПАВЕЛ БАЙКОВ

Конст. Конст. Кузьминскому

(из сборника «стишки исподтишка»)

безногие танцуют на руках
срывая с головы аплодисменты
подняв над миром пыль тарелок медных
из барабанов выбив пух и прах
безногие танцуют на руках

гуляет ветер в буйных головах
внося по делу свежие поправки
из всех путей к вершинам – самый краткий
им под руки бросая впопыхах
безногие танцуют на руках

их вечно ждут принцессы на бобах
в воздушных замках, где от звёздной бездны
магнитные поля в цветах телесных
отводят силой взгляд к Земле впотьмах –
здесь правды нет, как правды нет в ногах...

безногие танцуют на руках
срывая с головы аплодисменты
подняв над миром пыль тарелок медных
из барабанов выбив пух и прах
безногие танцуют на руках

2018

давай стреляться типа пушкин и дантес
а кто убит – тот будет типа пушкин
а кто живой – тот типа топает на крест
висеть за тех, кто за него из кружки

по пьяни типа пьют неразведённый спирт
и запивают чистыми слезами
того, кто сам туда забрался и висит,
чтобы другие впредь не залезали

давай с тобою типа рисовать квадрат
и чтоб черней его сам дьявол не был
давай достанем типа всех и всё подряд
из каждой русской блин духовной скрепы

и выложим всё это типа на фейсбук
и френдам будем этим типа вякать
давай земля посадим типа воздух бук
и в небо выпустим по цели в мякоть

а что нам сделается типа молодым
красивым типа красотой прекрасной
давай напьёмся в пух и прах, огонь и дым
и будем жить здесь типа не напрасно

2018

БОРИС КОНСТРИКТОР

Антибиотики – 2016

се человек
гексаметр кишок
сердечной мышцы трек
сератонина тонус
вселенной тепловой мешок
сознания бонус
пропащей истины ловец
певец либидо
на самку взгромоздившийся самец
царь исчезающего вида

идут яйцеклетки
идут яйцеклетки
идут яйцеклетки
задами вертя

на них смотрят сверху
невинные детки
заранее плача
тоскуя скорбя

вдруг белая сперма
вдруг белая сперма
вдруг белая сперма
туда попадёт...

сердце стучит в скелете
занудно кишки поют
мы – клеток дурные дети
подкидышей-мыслей приют

всё не твоё голубчик
маясь в белковом бреду
жри генетический супчик
дуй мозговую бурду

я был плохим сперматозоидом
мне не хотелось в яйцеклетку
мечтал стать скромным астероидом
пойти во внешнюю разведку

болтаться в кошельке галактики
в своей наивной первозданности
и предаваться только практике
без снов без мыслей без гуманности.

ТАМАРА БУКОВСКАЯ

Сиротствуя в отечестве своем,*
Чем мы гордимся – немотой, безродством,
Безропотным упорством ли, уродством?
Сиротствуя в отечестве своем.
Жизнь проживая пополам с грехом,
В грехе погрязнув, пополам со скотством,
Ославлены, но в позе благородства,
Оставлены, но плачем не о том.
Потерян рай, Творец о нас забыл,
За пыльными страницами столетий
Мы высохнем, что бабочки, а дети,
Подув слегка, нас разметают в пыль.

1971

И губу закусив, этот воздух мучительный пей! *
Самый сладкий, коварный, которого нету родней.
И младенцем вдохнув его, был ты уже одурманен,
Век прожив, надышаться не сможешь, и там,
в запредельном тумане,
Если память останется телу, ловить его будешь губами.
Чем же с ним ты покрепче веревки повязан? Судьбою?
Или тем, что рожден в нем и им твой младенец напоен?
Он и сладок, и горек, мучителен он и коварен
Воздух тварного мира, последней дарованный твари.

1974

ККК

Кого подстерегает хворь
Нечаянно и рьяно –
простуда, корь, жестока боль,
окровавленна рана?
Того ль, кто, чувствуя беду,
оглядываясь поминутно,
почти что жарится в аду,
кому и муторно и мутно?
Кому тяжеле всех придется?
Шуту, повесе, нелюдиму?
То жар сухой, то бред, то жженье,
душа подобна струйке дыма.
Остаток облачка у рта –
сей жизни праздные затраты,
но миг от ночи до утра –
забвенье, прорва, смерти мрак,
небытие, расплата...

1970

* Стихи из "ВЕСТНИКА
русского христианского движения",
№124, 1978

ПЁТР КАЗАРНОВСКИЙ

АНАРХИСТ, НО НЕ НАРРАТОР

Кузьминский как поэт, писатель, литератор (от “литера” – т.е. производитель букв, букв, букв; слов, слов, слов) – фигура необозримая и отпугивающая. Социально – безусловно, человечески – конечно, поэтически – разумеется, политически – еще бы! Анархист и консерватор, возноситель и ниспровергатель, похуист и моралист... Одно дело, если это касается издательско-редакторской работы, другое – если творчества как такового (неминуема оговорка: вся Антология, вся Лагуна – вся лавина – со-творчество, предполагающее подголосок одного – ставшего легендой – составителя).

Чтобы сказать о ККК-поэте, следует забыть, чего мы ждем от поэзии. Или вспомнить «от обратного». Можно почитать его пространные письма (там-то как раз немало выказанного «вслух»), но в стихах – случайные проговорки, проблески. Стихи для ККК – как будто потоки нескончаемых ассоциаций, в которых нет ограничения в подходе. Тут он неисчерпаем, призывая не только культурно-литературные связи, но и связи личные, вплоть до половых, так что вырисовывается (иногда к сожалению читающего) образ сверх-самца. Но и в образе ли дело у ККК? Мне кажется, что его установка – в поэтической речи: в ее устройстве он категорически противостоит глубоко укорененному в логике Бродскому; речь должна цепляться в своей текучести за любые грани и гранулы – звуки, слова, словосцепы... Всякий материал, традиционно принимаемый за «сор», здесь принят за равноценный. ККК в непрестанном поиске-проверке: какой из материалов труднее поддается поэзии. И кажется, для него трудности в преодолении нет: не материал сопротивляется поэту, а поэт материалу: отмечает, не берет.

Так остался отмечен «акмеизм» – гладкозвучность и гладкопись. Взамен глади предпочтение – почти что «гади». Будущим кропателям предоставится возможность нюхнуть и хлебнуть всей той речевой вымороченности, что усвоил и внедрил ККК! А с самого автора – как вода с гуся: он следует ровно намеченным курсом – снять всякие заслоно-запреты со «штилей» и «культурнослойностей». В тотальном проговоре нет слоев – почти как на сеансе у психоаналитика. Что остается? – всё равно отбор, сугубо поэтический, и ритм, сугубо поэтический. Так о чем можно говорить, когда все рамы сняты – опущены ли, подняты?

ККК отменяет – который раз в поэзии! – тему, заменяя ее то голосом, то интонированием, то потоком слов. В этой а-тематике Кузьминскому мало равных. Говоря «ККК», мы утверждаем законность поэтического «слова как такового». Это – помимо пресловутого смысла, даже, пожалуй, смыслу в ущерб – по крайней мере здравому.

Вот вычерпнуто из ККК’ потока, почти что наугад:

...и поневоле переходишь
себя на мову переводишь
затем что в русском языке
нет слов
за вычетом “ОК” –

– три раза пользует петров
в трёхстах страницах “златоглавой”
в 30-х так писал Вогау
/борис пильняк/ вертя
пером...

Или еще, с явным отблеском и блеском:

...Издатели есть бизнес,
а искусство – что, нечто – чувство?

О, избави Бог от чувств. И горизонт тут чист.
Издатели – страдатели за радость? деньги? чувства?
О, искусство! Издатели со вкусом? Чепуха!
Крою ли чепчики, строгою зубочистки –
искусство есть искусство есть труха...

Или из другого места и времени:

...– По рифмам судим мы. С уроном.
Сколь безрассуден мой порыв!
Но ты, пожалуйста, пари
над миром нежным и суровым.

И в Петербурге, где торги,
где по торцам танцуют дроги,
ты параплет рукою трогай
и тихо память береги...

2018

СЛАВА ЛЁН

СТИМА, то-есть СТИХОТВОРНАЯ СИСТЕМА

НЕОТПРАВЛЕННОЕ ПИСЬМО КОНСТАНТИНУ КУЗЬМИНСКОМУ

Желание строить АНТОЛОГИЮ «ПО ШКОЛАМ» заставило нас осмыслять ПОНЯТИЕ «ШКОЛЫ».

Ты называешь своих «фонетистами». Но это всего лишь – термин. Надо сначала построить ПОНЯТИЕ. ПОНЯТИЕ – ДЕФИНИЦИЯ – ТЕРМИН. ВОТ ИЕРАРХИЯ РАБОТЫ лидера школы.

Мы, квалитисты, работали в стихе: "правильном по стиховой форме, неправильном – по (языковому) материалу". Понятно, что "содержание" стиха у нас должно было рождаться тоже – (логически) неправильным.

Мы быстро поняли, что "содержательная необычность" наших стихов была основана или на синтаксических нарушениях материала стихов – языка (чаще), или на семантических "сдвигах" (реже). Потом мы выработали ещё много новых приёмов (особого рода контаминации, новые оксюмороны, "игра словами", игра коннотатами, неправильные графемы – вплоть до невербального стиха и пр.). Мы придумали много новых приёмов, которые до сих пор являются "тайной цеха" квалитистов. "Искусство как приём", – известная идея Опояза.

Конечно, в Серебряном веке существовали – до нас – некие прототипы наших "приёмов квалитизма": у футуристов ("заумь") и их последователей, у имажинистов, и у обэриутов была – принципиально иной. Мы хотели радикально перестроить русский стих, но уже не на уровне слова (как у потерпевших поражение – так нам казалось тогда – футури-

стов), а на уровне целостного высказывания (особого типа словосочетания). Чтобы – через нарушения грамматики и логики языка – прорваться в стихе к его сути, к "сути мифа". И – мира. Мира – и – земли (по Хайдеггеру).

Позже я нашёл схожие идеи у Мартина Хайдеггера и перевёл с немецкого цитату, точно формулирующую наши цели в тогдашнем нашем понимании-непонимании своего же собственного – нового – стихосложения:

"Высвобождение языка из-под грамматики на простор какой-то более исходной сущностной структуры перепоручено мысли и поэзии". И далее: "Чтобы научиться чистому осмыслению, а значит вместе с тем и осуществлению вышеозначенного существа мысли, мы должны сначала избавиться от её технического истолкования. Начала последнего уходят в глубь веков, вплоть до Платона и Аристотеля".

Этими словами Мартина Хайдеггера можно достаточно точно схватить – begreifen – целевую установку квалитизма, но не охватить целиком квалитизм как новую стиховую систему – стиму, порождённую Бронзовым веком.

Вводя понятие стимы в монографии "Древо русского стиха" (напечатал в «Часах» у Б.Иванова), я хотел перевести мировое стиховедение (как научный предмет) из работы в натуралистическом подходе – на работу в деятельностно-аксиологическом подходе.

Сtima как понятие включает в себя не только всю материал-формо-содержательную целостность стиха, его бытование как текста в речи и в языке, но и всю деятельность поэта, порождающего текст в этой системе стихосложения, и рефлексию поэта над своей творческой деятельностью и – одновременно – над своим текстом. Рефлексию над стимуй. И – рефлексию над рефлексией. "Вторую рефлексию".

В дальнейшем понятие «второй рефлексии» сыграет главную роль в разработке парадигмы Ре-Цепт-Арта.

Николь меня забыла
доколь меня? до дыр—
она меня любила
по русски и по фр.

она мне песни пела
любовь тая в душе –
её большое тело
не замужем уже.

Вот тебе кажется, что «внутренняя рифма»: Николь – доколь – тут главное. Но я вижу ещё синтаксическую: «меня забыла доколь меня» и смысловые неправильности: «до дыр... любила», «доколь меня? до дыр», «по русски и по фЫр» – и ударную: «тело не замужем уже». Кумулятивный эффект всех этих «ходов» и делают твои стихи – выдающимися. Высоко-качественными, т.е. квалитическими.

2018

КОНСТАНТИН КУЗЬМИНСКИЙ

ПАМЯТНИК*

*моим машинисткам,
н., э., ш., м., и так далее*

еврейской девушке курсистке
я памятник воздвигну низкий
с главой на уровне мениска
и с телом белым голым склизким

я в руки дам ей машинистке
цилиндр некий маслянистый
нести посланием в века ли
глаза полузакрою веками

в коленопреклоненной позе
подобна нерасцветшей розе
перед ней мошонка и машинка
и робко кашляет мушкетер

вкруг рукописей лепестки
висят кормя её соски
на голове стоит стакан
плоскоголов сей истукан

* ККК публиковался в семи АКТах:
АКТ №2 /2001: СТИХИ ИЗ ПОЭМЫ "АДА",
АКТ №5 /2002: МИРУ – РИМ,
АКТ №7/ 2002: Н.К. И ДОЛГИЕ СОРОКОВИНЫ,
АКТ №9/ 2003: ДОСТОЕВСКИЙ И КРИСТИНА.
АКТ №14/ 2004: ПИСЬМА ШИРАЛИ И КРИВУЛИНУ
АКТ №15/ 2004: МИНИ – МЕМУАР
Номера 2, 5, 7 и 9 доступны в интернете:
<http://rvb.ru/np/publication/02comm/24/01kuzminsky.htm>
ПАМЯТНИК перепечатывается из АКТа №10/ 2003

зад оттопырен для удобства
куда совать туда ведомый
все три отверстия раскрыв
она листает манускрипт

она читает вслух но внятно
*"а если поточней, не ватный
кляп"* робко отводя от губ
(надеждой пастернак мозгу)

она кривулина читает
она охапкиным полна
она вводимый вычитает
"гряди багряная жена"

на груди рукописей раком
"алея исполинским маком"
она кормилица и львица
в руках же пальма но не вица

жирна подобно эстер телом
она всегда занявшись делом
персты по клавишам порхают
печатая *(пример)* пархоменко

принадлежаща к расе книжной
она и половиной нижней
послужит русским словесам
её власами жив самсон

она давала *(не дала!)*
она отросток лишь доила
она охотница диана
и зрительница у деммени

таганки клакерша квашнёю
она всходила над союзом
рабочей взяв её клешнёю
за клитор или недоуздок

влекли *по тропам и по трупам* (в.п.)
пупом поэзии сияя
она всех муз была патроном
кормя обширными сисями

она читательница чтица
поительница бормотухой
она продав за клипсы чипсы
зудит исправной бормашиной

поэзию а также прозу
перепечатав на халяву
она собой являет озу
(до зои злобной и мухлявой)

она на члене евтушенко
исполнит евразийский танец
и вялая его мошонка
над океанами восстанет

дабы приветом русской музыки
ярясь на ядрах *бабьим яром*
она шары пущает в лузы
пиитам далеко не старым

она старается и тщится
уста постигли эсперанто
международная площадь
по ней гуляет эскадроном

ей жив внимательный читатель
а *эрика* берёт давая
коржавин ставит в знаменатель
из уст свой *икс* не вынимая

она самойлова и сола
равно почтив двумя ушами
им премии даются в осло
её невинными кушами

её нагруженными дважды
не окольцованными вдово
растёт её архив бумажный
воздастся ей сторицей вдвое

фаллологиня лесбиянка
живя с машинкой поневоле
ты лишена моих лобзаний
ромашкой вянешь полевою

в пространствах бывшего союза
эсфирь наталя и ядвига
еврейская по мужу муза
я памятник тебе воздвигну

дабы читатель сих вокабул
знал чьи персты сей луг орали
не оценив твой дар вокальный
анальный или же оральным

чернильный (в прошлом) вагинальный
ваганты бродят (*тя без*) немо
ты *самсебяиздат* валгалла
ты в крупных звёздах нёбо (*небо?*)

стучит машинка (*прей, мошонка*)
еврейской девы зад лишь волен
в котором прячешь ты от шмона
невидных гениев довольно

прощай читательница чтица
здесь на берегах чужия реки
изрядно пишется не чтётся
ушми повяли человеки

мне не хватает уст ушей ли
(о прочем умолчу краснея)
твоей давно уже замшелой
но потребительской корзинки

да было время в некоем доме
стучали три машинки сразу
а в промежутках был ведомый
в ту алу в потёмках розу

в марину олю или сацу
мне память дряхлая не скажет
зрачок внимательно был скошен
на таковой который всажен

в уста который был ей вложен
заместо эскимо в оплату
и мех ея был мокр и влажен
и меж его росли опята

читательница машинистка
твоим трилистником балдея
учительница ученица
листами памяти хладея

как не хватает мне машинки
стрекочущей сверчку подобно
и пэтэушницы мещанки
с едва расцветшею *пиздою*

тому уж четверть века в прошлом
тому полжизни миновало
и не воспрянет вялый поршень
твоим касаньем мануальным

твоим устам в стихах и сперме
не прошептать: "*довольно, батя...*"
твоё старанье и сопенье
лежу погрязнув в целибате

и памятник тебе *прошедшей*
словами тихо воздвигаю
... и замело виски порошей
в моём заброшенном вигваме

/24 апреля 1998, поутру/

БОРИС КОНСТРИКТОР

ККК И КАЛЛИОПА

Мой кузен Николай (А. Ник) рассказывал, как однажды он заночевал, по пьянке, на полу у Константина Константиновича Кузьминского (ККК) ещё на Староневском. Утром всклокоченный хозяин расхаживал в халате среди поверженных гостей и поил их водой из большого чайника (сразу вспомнишь Алексея Хвостенко с его «Чайником вина»).

Этим чайником, полным неподцензурной отечественной поэзии второй половины XX века, ККК напоил потом всю русскую культуру. Когда увесистые тома «Голубой лагуны» (вечная память Григорию Ковалёву!) попадали к нам в руки, это было великим праздником. Мучительно вглядываясь в мельчайший шрифт, мы открывали для себя знакомых и незнакомых братьев-пиитов. Этот пантеон вольной поэзии завораживал. А как интересно было рассматривать коллажи из фотографий и рисунков и читать, читать, читать амбивалентные, прекрасно-ужасные комментарии самого ККК. Он создал тогда свой, особый жанр, который я назвал «живуистикой».

Словно Юпитер, Константин Константинович любил и низвергал подведомственную ему поэтоу.

Так и видишь его – бородатого, с гривой вьющихся волос, в рубище и с посохом в руке, пасущим Эрато, Эвтерпу и Каллиопу.

ККК был художником высочайшего полёта, но музы своего пастуха отчего-то не полюбили. Его блистательное версификаторство (лирика осталась в СПб), наверное, не знало себе равных. Он, как шелкопряд, мог бесконечно тянуть сверкающую нить своей звукописи, но она не ткалась в полотно поэтического целого.

Грандиозный оксюморон Кузьминского! С одной стороны, Пимен новейшего русского стиха, с другой – колибри, яркая абсценная птичка, порхающая с одного цветка-слова на другой. Трепещущая, мимолётная радуга языка. Музыка тонких вибраций не привлекала его. Ей он предпочёл виртуозные переборы полузаумной гармонии.

Но главного Константин Кузьминский добился, он оста-

нется вечно живым, таким, каким он был, сплошным противоречием.

P.S. Может быть, ККК слишком сильно любил поэзию? Так, что она боялась сгореть в костре его всепоглощающей страсти. Но в этом и была его трагическая, гениальная неповторимость. Ведь далеко не каждому удаётся опалить Каллиопу.

2018

ТАМАРА БУКОВСКАЯ

ОПЫТЫ В СТИХАХ И ПРОЗЕ ККК

Кажется, Лев Толстой Страхову в ответ на вопрошение, что он думает о стихах Кюхельбекера, написал что-то вроде: есть люди, которые уверены, что они поэты, тогда как они лишены поэтического дара... Как-то так, без жалости, ещё хлестче, чем писал ККК, если ему автор был не по нраву.

Надо сказать, что вкус у ККК был отменный, отличал талант от фальшака как ювелир высшую пробу от варшавского золота.

А собственные стихотворные опыты ККК? Что происходило с ними, что, кто влиял, как менялась парадигма? Как после общепринятых лирических соплей стихов конца 50-первой половины 60-х в конце тех же 60-х явилась звукопись и свобода абсурдистский поэтики?

Ранние, да не совсем и ранние – в 1959 году юноше уже 19. Лучший стишок этого времени «Туман»: "...Обними ее крепче, / туман, / загляни ей в глаза, / туман, / упади ей на плечи, / туман, / обними, / как меня обнимал...."

И до 64-66 гг торжествует безнадежный «литощный» лиризм с цветочками, речными пейзажами, губами, плечами, вокзалами и неутоленной любовью с уклоном в суицидные мечтания

И вдруг это все исчезает! Словно случается счастливое исцеление, словно другой человек внутри того же автора «подстриженными глазами» /украду ремизовское опреде-

ление/ увидел, удивился, «перевернул страницу» и стал писать иначе. Могу свидетельствовать, что с 1967-68 года «лирических соплей» в его сочинениях уже не было и в помине. Появились абсурд и свобода.

Вместо «умильной лирики» явилась эротика, возможно, вслед за поэмой Бориса Тайгина «Приподнимаемая край подола». Про дружбу и со товарищество в издательских затеях с Б.Т. читайте в «Голубой лагуне».

А «звукоспись» с фантастической свободой звукосочетаний, легкостью голосоведения – она-то откуда взялась? От звучания английской речи в англоязычной школе, где к слову преподавал отец Хвоста /Леши Хвостенко/, от переводческого молодого кружка Татьяны Григорьевны Гнедич, чьим литсекретарем стал в конце 60-х ККК и щедро поделился знакомством с ней со всем кругом своих молодых друзей.

Может быть, стихам ККК мешала его природная легкость версификации, отменная память и избыточная начитанность серебряновечными сочинениями, бог весть. Но вот что удивительно: он, в отличие от, скажем, Виктора Кривулина, который откращивался от ранних стихов, а упоминание о стихотворении «Я хочу полюбить девушку с изумрудными волосами...», которое, дразня автора, любил цитировать ККК, стихов своих самых разных времен не стыдился, от них не отказывался и их не чурался. Впрочем, в последние годы жизни, просил удалить с общедоступных сайтов, огорченный тем, что в интернете нет стихов более позднего времени, а ранние «застят взор». Менял стиль, менял шаг, менял руку и не настаивал ни на одном из способов извлечения смыслов из сочетания слов и звуков.

В какой-то момент, возможно не без влияния Д.Я. Дара, появилась у ККК склонность к менторству. Он менторствовал и пифийствовал, возлежа на диване, обращаясь к своим «ученичкам» по школе звукосписи. Это – «ученички» – злило молодых и превзошедших талантом стихосложения поэтов.

Все поименованное выше в сложении своем дало удивительный результат – ККК войдет, нет, уже вошел в историю как автор талантливейшей прозы эпистолярного жанра. Вот в этой прозе – и весь ККК, с нежной душой, язвительным умом, несправедливым гневом, этической хромотой, эстетическими гениальными догадками. В этой прозе его перо – без тормозов, оценки без оглядки, несправедливость соблазнительна как грех, а время, когда литература была важнее жизни, отпечатано в 3D/.

Для сравнения с "Туманом" приведу отрывок из

INNA8M ИЛИ О ТАБАКМАНЕ И МАЯКОВСКОМ

...ты несомненно не **кусума***
что **ноу-артом** быв кусаема
в картошке разложив сосцы
предвосхитив собой соц-арт

и трупом **энди** на неё
взирал (но брал её **лурье****)

тому прошло уже треть века
в её сосцах иссякло млеко
и в жёлтой комнате воссева
вся в чёрных пятнах в зеркалах

она во всей своей красе
сидит шизея окосев

и я в той комнате напротив
сизу блистая наготою
двоюсь с кусумою оп-артом
и пахну потом никотином

пиша зачем-то что-то деве
которой всё это до фени
изобразив собою dildo
в груди уязвнув парафине

меня смешит твой детский голос
обрезанный смущает волос
ты представляешь только полость
но я взамен тобой наполнюсь

ты что иль кто покамест некто
зачем груди твоих нектар
в моих посланьях будит негу
я откровенный некрофил

любя лишь память лишь мгновенье
небывшее убывши от
твой тохес мня филе-миньоном
и на миньет сменив живот

как хорошо в любви небывшей
перебирать касанья те
и говорить с тобой на идэш
стирая с губ твоих косметику

и постигая математику
твоих явлений трижды в год
твоих коленей мать-и-мачеху
и опушённый ею же живот

когда прикосновение в пясти
хранимо годы и пока
табакман дланью не умастит
твои покатые бока

играя крупом ты проходишь
по-арцыбашеву (прочти?)
стопою в памяти порхая
форелью склизкой по ручью

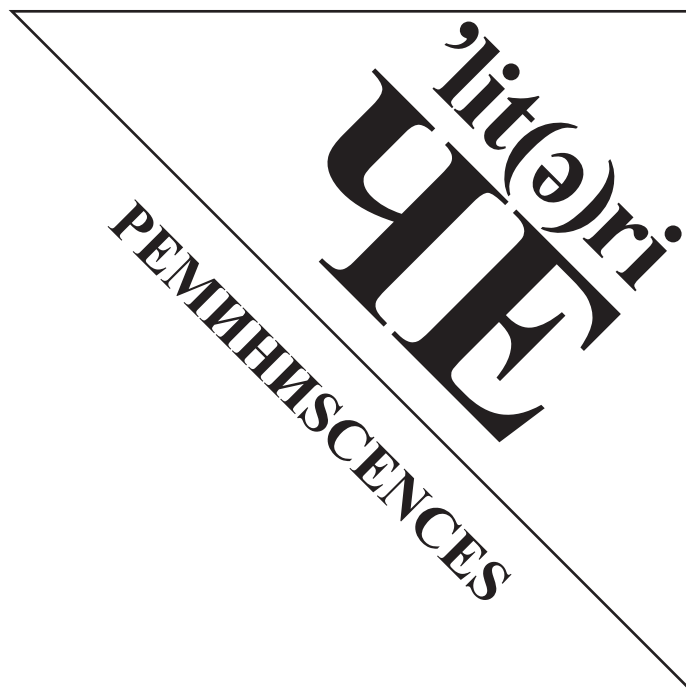
маня прохладною пипиской
дразня касаньем рук до ног
ах почему я не писатель
иль на худой конец дега

изобразить сразить и плюнуть
де садом в юный зад её
прорвавши девственную плеву
зубилом млатом и адьё

1998

* Йоайи Кусума – художница-кинетистка

** Борис Лурье – художник, основатель ноу-арта

ВАЛЕРИЙ МИШИН

ККК*
(фрагменты) 2003

ПАЛКА

Нормальный человек продвигается вперёд строго поступательно. ВБК двигался, раскачиваясь подобно маятнику Фуко в разных плоскостях. Его ноги и тело производили немислимое количество взаимоисключающих движений в единицу времени. Даже теперь как бы физически ощущается воздушный шлейф, который устремлялся вслед за ним. Ноги касались земли внутренней стороной носка, потом ступня разворачивалась и трение переходило на пятку. При этом на палку он почти не опирался, во всяком случае создавалось такое впечатление, а по-дирижерски размахивал ею. Ботинки изнашивались быстро, прибавляя Евгению Львовне (маме) и Борису Афанасьевичу (папе) лишние проблемы.

«...Как будто жизнь, качнувшись вправо, качнулась влево». ВБК читал эти стихи, жестикулируя обеими руками и подчёркнуто раскачиваясь. Как после этого отрицать, что в творчестве всё взаимосвязано, в нём весь человек. Вообще, палка (трость) в руках поэта – «особая статья» (по ККК). Само слово многофункционально и может означать шестую оконечность, подпирающую шестое чувство. У ККК, например, служила элементом декора для придания имиджа, хотя имидж был весьма странноватым: большая шевелюра и борода, в явной диспропорции со всей фигурой, и палка. Получалось – борода и палка. Тем не менее – «не хочется ль вам пройтись по шоссе» (часто цитируемое – устно – ККК). Ведь его палка – произведение искусства, пусть кустарного, но вырезана из дерева с набалдашником и со следами вдохновенного почерка мастера. Палка ВБК, напротив, была стандартной, с резиновым наконечником, куплена, очевидно, в аптеке и пользовался он ею, за

* ККК – Константин Константинович Кузьминский,
ВБК – Виктор Борисович Кривулин,
ГЛК – Григорий Леонович Ковалёв

редким исключением, по назначению. Исключение известно такое. Николай Суворов вспоминает, что однажды у него и ВБК произошла стычка с какой-то шантрапой. Пока он отбивался кулаками, ВБК ловко работал палкой.

Кому ещё была бы необходима палка – так это ГЛК (Гришка-слепой), однако он обходился без неё. ГЛК жил в Апраксином переулке (по-моему, в доме №8, надо уточнить, теперь здесь торговый центр). Отсюда он боком, на ощупь, вдоль стенки пробирался к Невскому, к магазину «Мелодия» или Дому книги. В руках у него почти всегда была коробочка от грампластинок, часто пустая, просто для равновесия.

У ГЛК был абсолютный слух на музыку и стихи. Его оценки шли за эталон. Поэты приносили тексты, происходила проверка на вшивость. Комната располагалась на втором этаже. Нужно было кинуть в окно камешек, монетку или снежок, чтобы не тревожить звонком соседей по коммуналке, и Гришка спешил открывать. «Ну, что? Принёс коммунистическое лекарство?» Имелась в виду водка, портвейн и любая борматуха, что доктор прописал, а доктор, понятно, кто. «Не принёс, ладно – поставим чайник». Заваривался крутой чифирь и начинался разговор. Параллельно Гришка прикручивал к болтам гайки (общество слепых снабжало его надомной работой). Гости обычно подключались к этому занятию, получалась урбанистическая картинка в духе Фрица Ланга: в прокуренном полумраке сидит с полдюжины хмырей и старательно прикручивает к болтам гайки.

Любимое Гришкино прозвище – «темнила». Темнилой мог быть знакомый книжник или меломан, утаивший новинку, или поэт, не показавший вовремя новые стихи. Меня он называл «типом». «Гришка, ты так часто называешь меня типом, что я скоро превращусь в образ». «Может быть, но пока тип». После первого стакана он становился мягче и «типа» менял на «рыбёнка». «Сегодня ночью, рыбёнок, слушал Диззи Гиллеспи. Но ты всё равно ничего не понимаешь в сущности бытия и бренности земного существования.»

ВБК был «метром». «Ко мне сегодня метр приходил», – говорил он уважительно.

Человек является из внутриутробного мрака, чтобы потом уйти в мрак космический. В коротком промежутке

ему дарованы свет и краски жизни. Каково же незрячему, который сразу попадает в этот мрак. ВБК лучше других понимал это.

В комнате у ГЛК стоял топчан, стол, на столе чайник, радиола, с вечно поломанным проигрывателем, поэтому пластинки он почти не слушал, а складировал в коробках на полу.

Всегда какой-нибудь «деятель» чинил этот полуразобранный аппарат за «коммунистическое лекарство», терапия помогала слабо, лекарство шло не на пользу, постоянно рвался пассик, его заменяли какой-то резинкой, потом ломалась игла и т. д.

В общем, я всего лишь пару раз застал его за прослушиванием, тем не менее он всё слышал и знал, мог говорить о музыке, как никто иной, как будто обладал даром считывать звуки с пластинки без проигрывателя. Для меня он открыл Брукнера, Малера, Шёнберга и др. (музыку с «серпом по яйцам», как принято говорить). Рядом с чайником размещались ящики для болтов и гаек. Стул, помнится, имелся в количестве одной штуки и гости устраивались кто на топчане, кто на стопках книг. (ККК в «Голубой Лагуне», т. 1, стр. 23, пишет, что у ГЛК чайника не было, чай заваривался в поллитровой эмалированной кружке. Не стану оспаривать. Тут возможен сдвиг во времени. Кружку помню. Помню и чайник. Пусть будет чайник как идея).

Оставим на время ГЛК и вернёмся к разговору о палке. Для художника Валентина Левитина, скажем, палка столь же необходимый инструмент, как карандаш и кисть. В последние годы жизни ВБК сменил палку на костыли, точно на таких же был Михаил Ерёмин на похоронах ВБК. Владимир Уфлянд и Леонид Борисов обзавелись палкой после ДТП (дорожно-транспортного происшествия). У Виктора Ширали палка тоже появилась по необходимости.

С Ширали я познакомился, кажется, в 1964-м, когда ему было не более 19-и, и был он ещё Виктором Лазаревым. Стихи писал типа «Будь добра, подари мне пощёчину», «Я опоздал на тыщу лет родиться» – юношеская романтика, ранний Маяковский в новом переложении. Мне нравилось, несколько текстов даже перепечатал на машинке, однако более радикальному поэту-сюрреалисту Виктору Жилко, к примеру, этот пафос казался подозрительным, и на вечере в кафе на Полтавской (после чтений там практиковались обсуждения) он резко сказал, что негоже, мол, поэту спешить себя продавать. Ширали – фигура страдательная. Будучи «правильным» в творчестве, он стал как бы усложнять и испытывать свою судьбу и многие беды, вполне вероятно, сам на себя накликал. Возникли «невразумительные» отношения с властями, факты суицида и прочее. Поначалу давалось всё легко, и стихи и женщины, потом пришлось заплатить за это очень серьёзную цену.

И только у ККК палка была истинно пиитической принадлежностью. Обладай я талантом П.И. Челищева, нарисовавшего «Пушкина на прогулке», в цилиндре с тростью, обязательно нарисовал бы «Прогулку ККК по Конногвардейскому бульвару», с шевелюрой и палкой.

МУЗЫКА НА ПЛАСТМАССЕ

Бесспорно, поэзия – первейший из всех видов творчества, хотя бы потому, что одинаково воспринимается и слухом, и зрением. Прозу всё же нужно читать, а звуковая дорожка киноплёнки не даёт полного представления о картине. ГЛК поэзия была доступна преимущественно в звуках (книги по системе Брайля, с пупырышками, для

слепых – не в счёт). Для него она была музыкой – песнопением, хоралом. Не случайно он так любил слушать записи а капелла. Мадригалы, мотеты, кантаты – прежде всего эту музыку собирал.

В пятидесятые годы на пластинках в 78 оборотов, в основном, издавалась эстрада, советская, выборочно зарубежная. То, что отвергалось цензурой, энтузиасты-любители выпускали «левым» путём на плёнках из-под рентгеновских снимков. Пятидесятые годы можно условно назвать временем «музыки на рёбрах» – сквозь «Мурку» просвечивалась грудная клетка.

В шестидесятые с широким внедрением в практику долгоиграющих пластинок публика потянулась к классике – от минора Лещенко к Симинову Баха. Вспомним Галича: я купил радиолу «Эстония», и в свободный часок на полчасика прилёг позабавиться классикой. «Ах, Иоганн Себастьян!» – любимое Гришкино восклицание, включавшее широкую гамму чувств от восторга до порицания. «Эстония» и «Симфония» были приличным инструментом для прослушивания, а «Grundig» с магнитной головкой «Shure» и эллиптической иглой мог себе позволить разве что «дантист-надомник Рудик» (по Высоцкому).

Пластинка, особенно качественная импортная фирм «Супрафон» или «Этерна», стала предметом коллекционирования. Один Гришкин «темнила» собирал всё подряд, одно и то же название брал в нескольких экземплярах, если этикетки отличались по цвету. (Характерный штрих: как-то в году 69-м позвонил Владимир Эрль и посоветовал зайти в магазин к Пяти углам – там появились новые пластинки. «Но у нас проигрывателя нет». «Неважно, проигрыватель купите, а пластинок не будет».) Пластинки часто приобретались впрок. ГЛК, бывало, притаскивал домой целыми коробками, чтобы разобраться, что к чему, потом лишнее относил обратно. По правилам, пластинки не подлежали возврату, но продавцы «Мелодии», в виде исключения, ему позволяли. И уж самый «неликвид» сплавлялся Льву Александровичу Руткевичу. («Пойдём к Лёве, он всё возьмёт»). Лев Александрович за дефицитом не гонялся, спокойно складывал принесённое на стеллаж. В принципе, его собрание из ненужных вещей было не хуже, чем у других, ненужная вещь может стать нужной.

Мне казалось неэтичным обращаться к ГЛК с просьбой «достать» ту или иную пластинку, просил в редких случаях, чаще он сам предлагал, проще было попросить у «неразлучной парочки»: Саша-Серёжа. Сергея Танчика связывала с поэтом Александром Мироновым рембо-верленовская дружба, это были, действительно, музыкальные фанаты. Саша работал сторожем на автостоянке, Серёжа – трубочистом, а всё свободное время у них было занято прослушиванием симфоний, струнных квартетов, попсы, джаза, фолька и т.п.

У ВБК в квартире на Петроградской в большой комнате, сразу при входе слева, стояла простенькая радиола, типа «Регонда», и несколько десятков пластинок. К пластинкам он относился легко, без сожаления раздавал друзьям, не был заражён бациллой собирательства. У меня до сих пор хранится подаренный им альбом Булата Окуджавы, выпущенный в Париже фирмой LE CHANT DU MONDE, с параллельными текстами на русском и французском языках.

Однако самым эмоциональным слушателем был, без вопросов, Михаил Юпп (Михаил Смоткин, по жене – Таранов), двоюродный брат ВБК, который слегка стыдился этого родства, а также творчества брата. Помнится случай,

когда Миша, пригласив нас с Тamarой Буковской в гости, угощал растворимым кофе и музыкой барокко. Миша слушал и растворялся в звуках флейты, как сахар в растворимом кофе, без остатка. И ещё. Летом 70-го года среди филофонистов прошёл слух, что в город завезли пластинку AMERICAN FOLK BLUES FESTIVAL 66 на «Амиге». Достать её не представлялось возможным, я поделился этим сожалением с печатником Германом Пахаревским. «Ничего проще, – сказал он, – покупай завтра два фугаса портвейна и жди». Купил, жду. К трём часам появляется Пахаревский с пластинкой и приятелем Вальдемаром. Конверт пластинки помят, от пластинки отломан кусочек, будто крыса отгрызла, но ничего – слушать можно. «Извини – жарко, мы с Вальдемаром зашли на Неву искупаться, полежали на песочке». Поставили пластинку, разлили. «А где вы пластинку взяли?» «Как где? Мы пошли с Вальдемаром к директору базы (база грампластинок находилась на Малой Охте рядом с домом Пахаревского) и сказали, что мы представители творческой интеллигенции (даже беглый взгляд на испитую морду Вальдемара не позволял в этом усомниться), что для плодотворного развития искусства нужны именно американские блюзы, он нам сразу и выдал. Заметь – бесплатно». Выпили – по бутылке на каждую сторону прослушивания – и они ушли. И тут не известно откуда вваливается Миша Юпп, он никогда прежде к нам не заходил. «О, старик, – это как раз то, что мне надо!»

Мишу многие принимали исключительно за фарцовщика, его часто можно было встретить на Невском, у Дома Книги, или на Литейном, у Подписных Изданий: он предлагал то складень, то бронзовый крест с распятием, то прижизненное издание Фета с неразрезанными страницами. Говорили о его кулинарных способностях, которые он применял при оболыщении девиц, – Миша закончил школу поваров. Я знал его как автора ходячей строчки «и Смольный пал дерьмом подмытый» (в чём он оказался прав). И только сравнительно недавно узнал, что он плодовитый поэт, выпустил в Филадельфии семь книг стихов. Андрей Гайворонский приносил кое-что почитать. С дуба я, конечно, не рухнул, но всё же, всё же...

Итак: «О, старик, – это как раз то, что мне надо!» Миша попросил поставить пластинку сначала, с первого номера, сел напротив колонок и стал слушать. О, это не передаваемо! Миша ерзал на стуле, хрюкал, присвистывал, сопел, кричал, в такт с Roosevelt Sykes (вокал, пиано), Jack Myers (бас), Freddie Below (ударные), хлопал себя по коленкам, по животу, теребил бороду, топал ногами, стул подпрыгивал вместе с ним. Хорошо – был рабочий день и соседи были на службе, а то не понятно, чем бы всё закончилось. Над нами жил начальник пожарной охраны, когда он слышал настораживающий шум и возню – сразу вызывал на всякий случай пожарную команду, к нам уже неоднократно приезжали и бегали со шлангом по квартире...

Сейчас, чтобы как-то воссоздать ту атмосферу, пишу эти строки, а на проигрывателе стоит AMERICAN FOLK BLUES FESTIVAL 66, AMIGA, № 8 55 114, конечно, не тот экземпляр, тот запилили до дыр. Если у кого-то вдруг случайно сохранилась эта пластинка – поставьте, послушайте...

ПОЛЬЗОВАТЕЛЬ

Я не очень люблю современное слово «пользователь», мне больше нравится единичный толстовский чита-

тель-зритель-слушатель, для которого стоит работать.

Лев Александрович Руткевич был именно таким для многих поэтов и художников. Он редко делал оценки, достаточно того, что внимательно смотрел и слушал. Мог помочь, конкретно – не разговорами, а просто: дать денег. Считалось – Лев Александрович получил наследство, поэтому никогда никому не отказывает. Его можно было остановить в переходе на Невском, на Дворцовом мосту, начать невнятный разговор. Лев Александрович незамедлительно спрашивал: «Сколько?» – и давал. Просили скромно – на бутылку, чтобы источник не иссяк, и, само собой, никогда не отдавали. Известен факт: Виктор Ширали взял у Дудина, председателя ленинградского союза писателей, двадцать пять рублей займа и демонстративно не возвращал (месть соцреализму). Здесь же было совсем другое.

Лев Александрович всех называл по имени-отчеству и главное – помнил, только один раз, кажется, в разговоре возникла долгая пауза, Лев Александрович остановился на полу фразе, т. к. забыл нужное отчество. А однажды сказал: «Знаете, я вчера был в гостях, там познакомился с Борисом Арсеньевичем, кстати, не знакомы ли Вы с ним? Представляете, у нас состоялась очень интересная беседа». Упомянутому Борису Арсеньевичу было тогда три года от роду. Ежели речь шла о Борисе Рогинском, то это сущая правда. Сейчас Борис Рогинский – замечательный филолог-структуралист, стараниями которого осуществлены самые полные издания стихов Роальда Мандельштама и Льва Васильева.

Если Ширали мы назвали фигурой страдательной, то Лев Александрович Руткевич, несомненно, был фигурой сострадательной, в том смысле, что как известный герой Ильфа и Петрова отдувался за других. Писал диссертации абсолютно бесплатно друзьям и знакомым, начальнице по службе, сначала кандидатскую, потом докторскую. Из сострадания к некоей иногородней девице фиктивно с ней расписался и поселил у себя в коммунальной квартире (на Графском переулке, неподалёку от Владимирского). Та очень скоро перегородила две смежных комнаты надвое, привела хахеля и стала выживать законного супруга вместе с мамашей. Не ясно, чем бы ситуация завершилась, но Лев Александрович к тому сроку стакнулся с диссидентами.

Диссиденты приспособили его возить чемодан с подпольной литературой из Питера в Москву и обратно. Кэ-гэбэшники, естественно, Льва Александровича задерживали и арестовывали. Получалось будто бы всё было обусловлено заранее. Диссиденты делали свою работу, кэ-гэбэшники отчитывались о проделанной ими работе. Лев Александрович увлёкся и сам стал диссидентом. По этому делу выехал за границу, оставив комнату девице, у мамыши, кажется, была ещё площадь.

Годы эмиграции прошли в Вене, в структуре НТС. Добрых пятнадцать лет он провёл за колючей проволокой на территории, охраняемой собаками (энтэсовцы оберегались от кэ-гэбэшников), на что неоднократно жаловался в корреспонденциях к ВБК.

К концу девяностых вернулся в ельцинскую Россию. «Заголубел», состриг шевелюру (жаль, была одной из самых роскошных еврейских шевелюр в Питере, я даже просил его позировать и сделал набросок для литографии), написал, наконец, докторскую диссертацию для себя, занимается по-прежнему геронтологией, иногда встречаю его на вернисажах в «Манеже», в последний раз видел на поминках ВБК.

Муза. Кто она? Жена, подруга, любовница, незнакомка (смотри Крамского, читая Блока), натурщица (смотри Модильяни), эфемерное мифическое существо (Чайковского можно не слушать), собутыльница с Московского вокзала, секретарь-машинистка (прежде), верстальщица (теперь), курсистка, девушка по вызову, чужая жена, языческая богиня, православная монашка?

Недавно Библиотека Поэта выпустила том Окуджавы. Листаешь в попытке из массы текстов извлечь песню, что пелась и была на слуху. У поэта-песенника Окуджавы была как бы одна Муза, она являлась то в облики медсестры Марии, то водительницы Наденьки, а у Окуджавы-стихотворца – несколько другая. Софья Васильевна (сов. власть – термин тех лет), переодевшись Прекрасной Дамой, будто бы внимательно наблюдала и грозила пальчиком: смотри, я не хуже, прощаю тебе выпады против кавказского горца, но меня чти, не шали.

Пластинки Высоцкого стали выходить в годы «гласности», сгоряча купил пару-тройку-другую, потом остановился: хорошие вещи были обтрушены просоветскими шлягерами типа «Скалолазки». Только значительно позже вышли CD-диски его «подлинных» песен. В приложении к одному (любительская запись) он поёт дуэтом с Зыкиной «Если я заболелю». Ставлю проигрыватель на грегат I и чуть не плачу, возможно, музой Высоцкого была-таки Зыкина, как у Косыгина, а не Влади.

А как разобраться с женщинами-поэтессами. Когда поэтесса пишет: «...Муза.., а я так тебе молилась, а я так тебя ждала, может, ты меня и любишь...» – что-то заставляет вспомнить известный остров в Эгейском море. К поэтессам мы ещё вернёмся, а пока нас интересуют конкретные Музы, Музы ВБК, ККК и ГЛК.

Чтобы не путаться в догадках, я решил обратиться за помощью к Олегу Охупкину, одному из самых ярких петербургских поэтов не только 60 – 80-х, но и по сей день. Олег сейчас живёт в двухкомнатной коммуналке на 4-ой Советской (снял Юрий Шевчук – благое дело), прячется от сестры, периодически сдающей его в дурдом, дабы завладеть его пенсией. Олег приходится мне крёстным отцом. Выходит: детина-сын пришёл к отцу и спросил детина.

– Муза поэта? У Гришки Ковалёва Музой была бутылка портвейна, это я точно знаю. У Виктора Борисовича Кривулина... Кто же был его музой? Ну, я его всегда называл – «Синяя борода», сколько у Синей бороды жён? По-моему семь или восемь, так что у него восемь Муз, походи разбери. Пожалуй, больше всех он Свету любил, когда был на взлёте, когда Лёвку родил и когда у него ещё было молодое сердце. С последней женой они жили душа в душу, это был удачный брак, но романтизма уже не было, так что Света – его главная Муза.

– Слушай, а про Коку что скажешь? Он, по-моему, всех муз называл Мадоннами?

– У Коки Музы никогда не было, я Коку хорошо знаю – это такой капитальный женоненавистник, девять томов «Блю лагун» и там – ни одной бабы. Он сказал: через мой труп, пусть она хоть гений-разгений, потому что у баб – только про пиздоистечение, не годится. Девять томов – одни мужики, какая ж тут Муза?

– Извини, скажем, про баб – ты вроде ему тоже советовал: пусть бабы сами возделывают свою клумбу?

Вопрос оставлен без ответа. Продолжение:

– Если он кого и любил, так свою Мышь, Эмму. У него,

в общем, два брака было: Мышь и первая жена – Пунина, кстати, племянница искусствоведа Пунина. Пунин, как известно, был мужем Ахматовой, таким образом они породнились, но даже являясь родственником, он сказал: Ахматову – через мой труп. Никогда ни одной публикации, Костя неисправим. Кого он любил? Свою жену, первую и вторую, свою маму, Евдокию Петровну, свою дочку Юлю, ну и внучку, которой я отец крёстный, – вот и всё.

– А Мадонну?

– Ну, в смысле по пьянке, кого он там раздевал, не знаю, – это его частная жизнь, извини, я свечей не держал.

– Нет, речь не о том. Хорошо помню, имелась ещё какая-то женщина, кажется, с Юга. Однажды позвонил ему под вечер: Костя, что делаешь? Да вот, говорит, проснулся, расчесал волосы у Мадонны...

– Да была у него одна сисястая, Константин Константинович, говорила, Вы для меня как Маяковский, разделась и он не устоял. Её у него Миша Генделев отбил, женился и увёз в Иерусалим, это достоверно, так они стали с Мишей врагами. Какая ж это Муза? Знаешь, Кока ещё в Ленинграде опубликовал: не до баб, Петька, а каково петь-то?

– А Гришкиных Дам ты помнишь? Известно: он коллекционировал Лен.

– Ты имеешь в виду поэтесс – Лену Шварц, Лену Игнатову и Лену Пудовкину?

– Не только. У него были и Лена Большая, и Лена Маленькая, одна ходила в магазин, другая читала книги.

– Ты понимаешь, у Гришки была одинокая жизнь, женщины любят посмотреть в глаза, а он слепой...

– Ладно, оставим тему. Почитай что-нибудь из своих стихов.

Олег зачитал подборку новых текстов по тетради, и я попросил прочесть пару старых.

– Сейчас... Думаю: на чём остановить память... Вот.

Он прочитал «Когда глядел я на тебя» и «Зачем гляжу на твой портрет?»

– Кому они посвящены?

– Александре. Она была рентгенологом.

– Как ты с нею познакомился? Делал рентген грудной клетки или у тебя заболел зуб?

– Она работала в кабинете флюорографии в районной поликлинике. Я пришёл и обратил на неё внимание, стал писать о ней стихи. Был ноябрь 66-го года. Она приняла мои ухаживания и это длилось несколько лет.

– Александра была твоей Музой?

– Нет, скорее Дамой-вдохновительницей.

Музы внезапно появляются и так же неожиданно исчезают. У ВБК в студенческую пору были Прекрасные Музы-вдохновительницы, сюда можно причислить и «Машу, которая театровед», и филолога-аспирантку из Парижа, и многих других, но была у него, пожалуй, одна потаённая Муза («Secret Love» – джазовая пьеса) – это поэтесса Лена Шварц. В мыслях она не покидала его в течении всей жизни («Лена, зараза, сделала то-то, Лена была там-то, Лена сказала о том-то» и т.д.). Эссе «Субкультура Чёрной Речки на закате Империи», написанное незадолго до смерти, – не что иное, как признание в любви.

Легко заметить, что она являлась потаённой Музой также и для Евгения Пазухина, ГЛК, Сергея Стратановского, не говоря уже про Евгения Вензеля.

Не избежал этой участи, видимо, и ККК. Минувшей весной он прислал как-то короткий Е-мэйл:

«...сегодня проснулся в холодном поту, приснилась Лена Шварц, я обнимал её, целовал, а она не сопротивлялась...»

ИЛЬЯ КУКУЙ

КТО УХАЛ НОЧЬЮ В ПУЩЕ?

Об одной неизвестной публикации
К. К. Кузьминского

В собрании эмигрантской периодики, составлявшей внушительную часть библиотеки К. К. Кузьминского, хранились и несколько экземпляров иллюстрированного журнала литературы и современной жизни «Нива», нерегулярно выходившего с середины 1950-х до начала 1990-х гг. в США. Даже в случае такого эксцентричного библиофила, как ККК, внимание к этому печатному органу может показаться несколько неожиданным. Издававшийся на русском и английском языках журнал был детищем Павла Романовича Ваулина (1918–2007) – эмигранта второй волны, литератора и критика, деятеля русского национального движения, борца с коммунизмом и мировым сионизмом, врага безбожной Америки и ревнителя, как писал сам автор в предисловии к поэме «Второе пришествие», «непорочного образа России». Кроме поэтических трудов, публиковавшихся, как правило, под псевдонимом П. Р. Петухов, к числу заслуг Ваулина следует отнести публикацию отдельным изданием в 1958 г. книги И. Солоневича «Россия в концлагере», а также выпуск на протяжении многих лет журналов и альманахов резкой националистической направленности – кроме «Нивы», отметим пришедшую ей в 1992 г. на смену «Славу», а также «Слово Союза Славянской Руси» (сокр. СССР). О том, что название «Нивы», также бывшее аббревиатурой («National Institution for Victorious America» – «Национальный орган победоносной Америки»), следует читать саркастически, свидетельствует более позднее стихотворение П. Ваулина, дающее приблизительное представление о его литературном таланте*:

Америке

Нечистый дух зловещей силы
избрал тебя для черных дел.
Народам роешь ты могилы.
Ты ставишь вечному предел.
В погоне бешеных стремлений
ты обгоняешь времена,
но красота твоих творений
души небесной лишена.
Микробы зла со дня рожденья
в твоей заложены крови.
Ты совершаешь преступленья
под видом братства и любви.
В тебя вселился бес лукавый,
земли и неба лютый враг.
Где ступишь ты стопой кровавой,
там остается смерти знак.
В устах твоих и правда ложна,
и честь не стоит ни гроша.
Пуста, продажна и безбожна
твоя бездушная душа.
Ты поклоняешься Мамоне.
Полна награбленным казна.
На троне в граде Вашингтоне
сидит антихрист Сатана.
Американские балбесы –
слепой безумствующий сброд,
им управляют тайны бесы –
поганый «избранный» народ.

* <https://via-midgard.com/news/copyright/vaulin-petuhov-skazanie-o-kityazhe-deyatelnost-i.htm>

На этом же сайте можно получить более полное представление о личности и творчестве П. Р. Ваулина.

Там змей горынычи, драконы.
Добру объявлена война.
Американские законы
рогатый пишет сатана.
За все былые преступления,
подвластны Божьему суду,
времен грядущих поколенья
заплатят дорого в аду.
Восстань, Америка слепая,
да устыдись себя самой.
Своею смертью искупая,
грехи кровавые омой!

1995

Деятельность Ваулина не заслуживала бы на этих страницах детального рассмотрения, а факт наличия «Нивы» в библиотеке К. Кузьминского можно было бы считать случайным недоразумением, если бы не два стихотворения, опубликованных в номере журнале за март 1979 г. на последней странице в разделе «Почта „Нивы“». Эти стихотворения прошли бы мимо нашего взгляда, как не обратил на них должного внимания и сам Ваулин, если бы в одном из экземпляров рукой Кузьминского не стояло примечание «Это мои парочка акрохулиганств», а в тексте эти хулиганства не были бы помечены. Тем самым настоящая публикация раскрывает несколько неизвестных страниц о славном труде К. Кузьминского под псевдонимом Павла Супова на ниве русского национализма в «слепой Америке».

Почта «Нивы»*

Посылаю два стихотворения.
Убедительно прошу ничего не менять!**
Благословен Ваш труд!
Помыслами с Вами. Павел Супов

Павлу Ваулину, тезке

Мудростью славилась Вечная Русь!
Мужа и воина век привечала.
Над ветхостью стогов российских страшусь
Страх крови увидеть сначала.
Вено**К** тебе тихая дева сплетет,
Так семя на Ниву твою упадет,
Мбл с неба сиянье увидим.

О, **Н**анцирь расколот, расколот и щит,
На **а**довом пламени сало трещит,
Свер**Ш**илось! И Власть Сатаны упадет,
Сверк**А**я, Егорий на землю сойдет –

То Павел Ваулин, воитель.

Павлу Ваулину

Звезды над Окой уснули,
ЁЖ в кустах шуршит и топчет..
ПОмнишь, Павел, пахнет улей
СНелым медом, теплой почвой...

Куры будят утром ранним..
УХал ночью кто-то в пуще..
Будит запах щей бараньих –
Эй, вставай, весь люд живущий!

Этo было в той России,
Перед эрой коммунистов:
СБерегать они не в силах
Белый свет, что стал нечистым!

Твои песни съели пули,
Да разрезал дым закатов!
Руку дай твою, Ваулин,
Плеск почуять крови брата...

Ни России нам не стало,
Гниль и плесень Свет застлала...

* Нива. Иллюстрированный журнал литературы и современной жизни. № 3 (119). Март 1979. С. 39.
– Полужирный курсив
в текстах стихотворений мой. – И.К.

** Согласно пожеланию автора, стихи воспроизведены фотографически (Примеч. ред. «Нивы». – И.К.)

КОНСТАНТИН КУЗЬМИНСКИЙ

БАЛЛАДА О ТРУПЕ КОМИССАРА

Другу и брату Лёне Палею

Съели портянки и кожу ремней
 Дёсны жевали солёный репей
 Солнце пустыни над миром взошло
 Солнце потемнело и погасло
 Пули и порох в патронах горят
 К морю в боях пробивался отряд
 Ранен навзлёт свинцом комиссар
 И на глазах бойцов угасал
 Слезы купыеронья на лоб
 Тело несли, захоронивать чоб
 Жарили в масле ружейном сапог
 Жертвуя светлой идеей собой
 С боем на юг пробивался отряд
 Красные звёзды на шапках горят
 Тело уже подпускало душок
 Нисухаря засолдатской душой
 Граждане! Скупосказал командир
 Тело героя мне отдадим
 Намостатся неделя пути
 Надо покушать, чтоб цели дойти
 Плача и слёзы роняя в башлык
 Ели они сладковатый шашлык
 Пусть человек и не колбаса
 В тело отряда вошёл комиссар

Каспий и во бла, 20-хкомса
 Славгероев не будет конца!

Техас,
 декабрь (?)
 1977

2 ND IKA POEM TO KEN ASKEW

табусукусимодатахокусаи
 сакеметске (метсуке) хибачихеда
 лючитсусиэбусикинтякусайо

мусмену мадзу
 мидзюноябаукисиу
 чилимсоябадо

накамуратамеаэгава-сама
 матсисуро бакуфугетонирояма
 цуна мимусеморияма

торустой-сан
 хонзендерюноскеширигу
 тондзисямисен

синогава хоккайдозгава-сама
 сюрюкетикокоросенкокуфуне
 усига хоротатноскекаме

хакимураленингирадогитара
 никаюкатамара-сан
 каракатицана базаре

ика-сан

СИРЕНЫ ЗАМОСКВОРЕЦКИЕ

и рваная её фенечка
 (Из "КНИГИ СИРЕН")

“Излучистый фардж* – это такой, в верхней части которого находится изгиб подобный тому, что есть у козла (?). Женщина с таким фарджем вертит бедрами налево и направо.”

* Фардж – женский половой орган.

(“Благоухающий сад для прогулок мысли учнейшего шейха Сиди Мухаммада ибн Мухаммада ан-Нафзави”, перевод с арабского Д. Миккульского, М., “Полина М”, 1993, стр. 382, 436)

1.
она призналась мне и в этом
её подмышки пахли потом
невыносимо быть поэтом
и не гераклом но геронтом

сокроется за горизонтом
то что сегодня было этим
томим виденьем юной тити
но там вдали за геллеспонтом

протянутся незримы нити
меж двух столиц на этом глобе
когда моление о глебе
нам пропоёт незвонко нетель

сирен русалий в повечерье
сирен сиречь ревущих звуков
садится самолёт во внуково
неся в себе цветок дочерний

отпочковавшийся от почки
танцуют девочки от печки
и печки лавочки цветочки
и голос мёртвый голос певчий

так в почернении речений
по-рачьи очи прячем в плечи
зане сих глобусов свеченье
циррозом разъедает печень

и в меланхолии мохнатой
листом бегонии власатой
во сне является манхэттен
в своей одежде полосатой

лабают оберманекены
в спирали лейбница напрасно
твой рот отнюдь не яркокрасный
но нежнорозовый манящий

и неподвижно выраженье
лица не тронутого гримом
и невозможностью сближенья
меж патриархией и римом

лети мой ангел легкокрылый
к пустующей на лето парте
к ларькам пивным и логарифмам
... и не найти тебя на карте

2.
рваная фенечка и четыре очка
златое колечко в ребячьем пупочке
невозмутимостью глаз ожгла
заморочка присуха примочка

причмокивая ротиком жвачку сосёшь
сольёшь за собой и спасибо сюся
ангелом розовым с открытки сошла
и с обдолбанными рокерами тусуешься

дым коромыслом и дом столбом
мостальгой быка на бульварах садовых
на стекло не сядешь – иным стеблом
по стопам распутиных и асадовых

не верзи мне детка яловой кирзой
кольца с бирюзой нынче вышедши из моды
на прикид смирновской козлит кобзон
и в подоле у девочек московских мокро

из уфы заухает урфин джойс шевчук
швейной володарского не пошить версачи
подожди кристиночка я тебе шепчу
растворись во мге возвертайся

шарик не в ту сторону вращается аминь
вынь да положи на причинное место
до свиданья друг мой до парижа мон ами
свято место не бывает пусто

3.
в дублине трилистником зелёным губя
ирландский католик полюбил гуся
вот и вышла куся в пэнтихузы вся
шузы надела карамель сося

дублинцы и люберцы пошли в скопцы
птицы скопы или колпицей с копыт
скобы деревянные на них гробы
а над старым дублином шумят дубы

поменяли фунты долларом на рупь
не губи кажи мне перламутр губ
гули-гули голенькие теряют пух
и летят в ирландию стаи мух

на стерво зелёного острова весны
баснословны дудари язык вонзив
в тело флейты голое где восемь дыр
а в надире острова повис вампир

пауки сплетают тенеты снов
спи моя печальная не надо слов
только лист зелёный приклеился к руке
ящерка солёная вьётся на лобке

пирожком слоёным таешь ты во рту
горько и бессмысленно глядеть в темноту
где ни зги не видно ни мологи ни мги
только монологи мне мудят мозги

не верзи зелёная не надо морщить лоб
всё на свете олово и слово и стёб
но молчанье золото дарю горстьми
персики молочные зажать перстьми

далеко до дублина дубиною свирель
жизнь наша загублена пением сирен

поворотом матки под прямым углом
горло моё заткано словом серебром

(в ночь на 9-ое июня 1994)

ИГОРЬ САТАНОВСКИЙ

Аронзон жифф!

Чем чемо – кувз!
Вердрево – кувз!
Нимолчо – кувз!
Двонюш брдсецв.

Ношудв дмнсецв ромю Б-гов!
Восхистихотв! Ренитворе!
Кустне предной, амрам КУСТНЕГ!
и пушелиц, канатохан!

Я забл был, я забл был,
и забл был что забл был.
Фаллады жаса лубоки!
Мечмети куп в дымзаже длин!

Чернимедлеш такви Иса
Увсюдупа ивздохишель,
Будто ряды мнето маки!

Козвулети, летитозву,
Стрекозави звуколету!
Тели литя, летителя
и звучи чувз, и чувзозвуч!

2018

Тамерлану N

Крестоты белаты ложистых кирум,
Хрустоты цетаты зеленных бровум,
Казёнка ни альфа ни бета
Лысёнке балбесного фета.

Раджа тюлепешь сетенозить кипон,
Кажись за сапог седопоз заседон,
Сыкун акашрама дишасты
Амманой поехавшей масты.

Хоябы холибы гашомы чалим,
Зухабы новрохи мирполы зубим,
Магибы, нилчерим, шевыги,
Стайрегим, писахем своиги.

Кабалим, грехоте, тшенищет, воёс,
Ты бочем лытаза тымбочем слоёс,
Шестистее клеящей пасты
Скрипучей скрижалистой ласты.

2018

По днём беды сносяще крыш:
ишь как напрягли родопóмниц...
Снёшь исторических клопóвищ
и враз забудешь, где стоишь!

2018

Незаконченный разговор с К.К.Кузьминским

1

филоло-
логия,
филоло-
софия,
филоло-
филия,
филоло-
фобия,
филоло-
фагия.
Фигасё!

2

фифало-
логия,
фифало-
софия,
фифало-
филия,
фифало-
фобия,
фифало-
фагия.
Фигасё!

3

фифало-
голия,
лафало-
софия,
фигало-
филия,
филого-
фобия,
гефилто-
фагия.
Фигасё!

2018

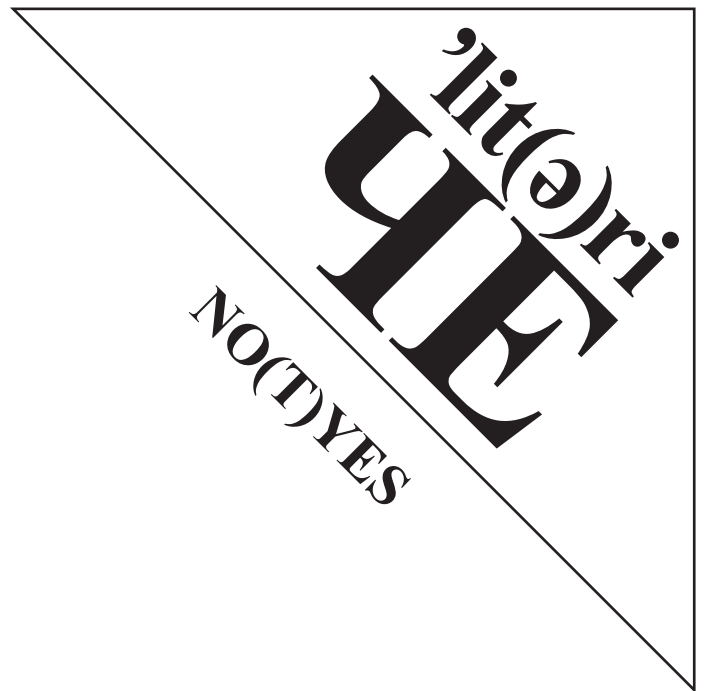
ПЁТР КАЗАРНОВСКИЙ

ККК – вообще-то «ку-клуks-клан»...
Весьма зловеще получается.
Неизбранное злополучие –
какой-то странный довлёж
на судьбе Кузьминского.
Что выбирал он? – не язык, но язычество;
не речь, но речетворчество,
не пафос, но фосфор!
Категорически не принимал философию,
но был большим путаником-от-смысла.
Или к-смыслу?
Звук всё ли так определял,
как говорил, звучал,
неортодоксально боролся, правил?..
Кто исправлял Кузьминского?
«Перепастерначить Пастернака» можно –
«перекузьминскоровать Кузьминского» нельзя.
Трава не расти!
Трава ни расти – травести:
ускользает привычное, зычное
только и остаётся –
взамен грамо-(килограммо-)тности.
Так только ли в звуке песень,
поэт, о который поёт?!
Йот плавит о звукописи сплошной
и заполошный звуколёт.
Не в звуки ли лёт?
Не паки ли мат?
Сплошной каземат.
Трата-териум, трата-териус,
намотай на ум, намотай на ус.
Брусом по главе – уф.
Констант Константович “плафь”.
Неуберталь фламьрго.
Кремень промеряй!
Квадратами волшуй,
волшбуй, волшебствуй! –
квадарасть плавают и плюют: но не на уют.
Между литерой и жи на межи
на самой ты поставил губежи эстетов восславив –
погубил рубежи оперенья опарения ради.
«Парень, ты в Ленинграде
опарился-спарился зря». –
Зря на коврике крике,
крики вырастут в руке,
только отмоложено
бешеное мороженое.
И всегда молодящееся, -шееся, -ся...
На ся-, себя, бесятами,
лучшими десятками.
Эх, морозиво! всегда молодиво,
запрятывай. ребятками:
стихами: «некань – макень – камень».
Отхлибастью торжьте найте выразь,
Константанарий
выкраси небую хмарь в лазурь!
Но без ругани матерной тернии раз:

«пидораз, пидораз, пидораз».
Выскочи в пнеперть и пнуперть
за мкнути огнеслышащий глаз.
Мезон-мизансцена: дом – театр, и люди пиарят
Башня вавилонская – мало волоска,
а душа шпионская: ни соска.
От соска не ищет ни соска
ебливой суки молока.
Молоки молоко молоко –
упрадняют жизни мужики.
От пернатых семерек (ну, и так!)
чехардой запрудится чехарда.
Дань – рвань – крымь – брань.
Глинь, стань: оттуерань.
Вавилонить – всю филонить, знать, вздрыв.
Куда теперь языком вскрыть?
кого теперь языком скрыть?
Брысь! Окорось околоть!
Брось, вбрысь, брось!
Стулочь сволочь в облаки свеч.
Только сталось:
Техас – в мечтах хотес,
утопиум в террариум очей:
через чварыг чей? Може, бо сно...
Сенговито е вы. Конст. Конст. Постоян.
Незабытое вы я стоян.
Междувре, междусно, междумгно –
постоянное срежу дерно.
Константин Кузьминский, рад в мочах!
Отколут в мальвинской-мазельвейской вся в лучах,
В лучшей дербени задварской –
и опять, как опять, сам собой.
Пропили нерусские днесь,
и неволит его святокнязь.
Злополучное оборотнесь,
повернись смеясь.
Бабы, баба, бабы. не надо бы расслабы.
Бабы дыбы огромная вязь.
Расслабленья сугубо наяды несвилъязь
опрометь

Метушимся мстя о метеоры арены ареям
прорехам роянам про нам. о констам
затмеи земного агреи евреев замкнут береги
о костя о стяго о ко и гостя и о го
стануто не стянуто снуть
впрямь вплавь стишь –
гробь гребь здесь –
констюморон – мощь –
опроменталь – грамь!
Ку-клуks-клан, берегай!
погибай, царь-умет!
Константин, миру май!
Ла-гу-на не умрет!
Тревольте растрезьте –
закопанной дыли.
Запомните решты в сугубой могиле.
Помилуй, помилуй,
о Господи тя, дитя,
о суглинок померит етя.

2018

ЕВГЕНИЙ СТЕПАНОВ

ПОМНЮ ТОВАРИЩА, А НЕ ВРАГА

...Что я могу вспомнить? Многое. Все-таки мы даже какое-то (короткое) время жили в одной квартире на Брайтоне. Но пока об этом писать рано. Всему свое время...

Прошли годы. Увы, ушел из жизни замечательный поэт Константин К. Кузьминский. Мне его не хватает. Мне стыдно, что мы иногда ругались.* Недавно я написал стихотворение, ему посвященное.

ПАМЯТИ ККК

Жизнь — это микст золотого и свинского.
Память разборчива, совесть строга.
Помню веселого Костю Кузьминского.
Помню товарища — а не врага.

Помню нью-йоркские вечные сборища.
Весело было. Но глуп человек.
Что ж мы ругались, два брайтонских кореша?
Мы ведь когда-то делили ночлег.

Жизнь — это микст золотого и брэнного.
Всякое было на грешном пути.
Помню поэта — поэта отменного.
Костя, я плачу. Прощай и прости.

2018

* В 2004 Евгений Степанов в журнале "Дети Ра" напечатал большие фрагменты из "АДЫ" или ДЕВОЧКИ ИЗ ДНЕПРОПЕТРОВСКА.

У ККК публикация вызвала нарекания, т.к. он желал видеть АДУ опубликованной полностью.
По сию пору в Журнальном Зале — это единственное упоминание о поэме
(от сост.)

ВЛАДИМИР КРИВОШЕЕВ

Первое стихотворение, посвящённое ККК, я написал в начале 70-х. Показал Кузьминскому. Похоже ему понрвилось. Во всяком случае, он сказал, что это стихотворение вполне может существовать как отдельное художественное произведение. Мне пришлось милостиво согласиться

К.К.К.

Волшебный Константинович Кузьминский!
Позвольте-ка Вас под руку гулять
К Неве-голубушке, она блестит как фарфор
И H2O позвякивает в ней.

Динь-динь, хлоп-хлоп,
От Зимнего к Ростральным
В парадной ванне плещется вода.
Вы чувствуете прелести купанья,
Кабы не эти в мае холода?

Ведь что в Кузьминском дорого? —
Спортивность? Активность риска, искорка тоски
Иль блеск ногтей, движения картинность? —
Нет — перстень, не снимаемый с руки!

Где вы, Константин Кузьминский? —
Я смотрю во все углы:
Там одни мышины писки,
В небе журавлей «курлы».

Стынет день под горизонтом.
Прячут недруги глаза.
Я стою под чёрным зонтом,
Где ни «против и ни за».

Что же делать в это время
Сытой трещине в душе? –
Написать стихотворенье?
Завязать узлом фужер?...

Разворачивай газету,
Заворачивай бельё –
Затопилась банька где-то,
Мы сейчас пойдём в неё.

Будем мыться, обтираться,
Просыхать и пиво пить,
Будем матерно ругаться
И физически любить.

После будем сытно кушать
И ещё сытнее спать,
«С добрым утром!» жадно слушать,
На Кузьминского чихать!

Когда у Кузьминского в комнате душевой
Стихам или прозе внимаем послушно –
В окошко взглянуть иногда не забудь
И вспомни: там город, зима молодая
Сейчас в декабре, а ещё за углом
Нева подо льдом, ну а дальше – твой дом,
Где Моцарт приятный в пластинке играет.

1970-е

ВАЛЕРИЙ МИШИН

Как-то я спросил у Арсения Рогинского (в прошлом диссидента, потом сопредседателя общества «Мемориал»), знает ли он такого-то художника.

– Нет, не знаю, – ответил он.

– Как не знаешь? Это очень хороший художник.

– Не может быть. Хороший художник – это тот, кого я знаю.

Сказано было полушутя.

Однако будем верить, что те, с кем по жизни свели нас обстоятельства и судьба, были людьми значительными и достойными.

Наши отношения с КК с момента знакомства были безоблачными и радужными. Я восхищался его артистическими талантами, ему нравились мои рассказы, частично он включил их в сборник «Лепрозорий 23» (под псевдонимом В. Буковский). Однако в ночь под Старый Новый год, с 13 на 14 января 1970 года, произошло событие, после которого КК стал «человеком без селезёнки». Версия произошедшего, далекая от истины, изложена КК в четвёртом томе «Голубой Лагуны», моя приведена в книге «Лица поэтического Петербурга». Все последующие годы я пытался «докопаться» до истины. И в последний раз, когда мы делились с ним у Григория Ковалёва в Апраксином переулке незадолго до его отъезда из СПб, и позже в электронной переписке. Это было моей ошибкой, как мне представ-

ляется сейчас. Для КК, припёртого жизненными обстоятельствами, «возвышающий обман» был дороже истины. Задуманное нами совместное писательское творчество в режиме онлайн было оборвано на первой странице...

Константину
Константиновичу
Кузьминскому
много лет спустя*

Жужжит ос**а**
возле нос**а**,
нет возле н**О**са
жужжит **О**са,
нет не **О**са,
а ос**а**,
жужжит ос**а**
возле нос**а**,
нет, не нос**а**,
а н**О**са,
и возле н**О**са
жужжит **О**са,
и возле н**О**са
папир**О**са,
и знак вопр**О**са
возле н**О**са,
а ос**а**
возле нос**а**;
жужжит же м**У**ха
возле **У**ха,
и возле бр**Ю**ха
жужжит м**У**ха,
если не м**У**ха,
а мух**а**,
тогда не бр**Ю**ха,
а брюх**а**,
тогда не **У**ха,
а ух**а**,
а так вот м**У**ха
возле **У**ха
и возле бр**Ю**ха
жужжит м**У**ха,
а вот ос**а**
возле нос**а**,
а возле н**О**са
только **О**са;
но папир**О**са
возле н**О**са
и знак вопр**О**са
возле н**О**са,
если не **О**са,
а ос**а**,
тогда не н**О**са,
а нос**а** –
возле нос**а**
папир**О**са,

знак вопроса **а**
возле нос**а**,
пусть лучше **О**са
возле н**О**са.

1999

ККК

групповая фотография**
9 x 12,
в первом ряду
слева направо
сидят:
неизвестный,
неизвестная,
неизвестный,
во втором ряду
слева направо
сидят:
неизвестная,
неизвестный,
неизвестный,
в третьем ряду
слева направо
стоят:
неизвестный,
неизвестная,
неизвестный,
неизвестный,
неизвестный,
автор фотографии
неизвестен,
фотография
неизвестно как
попала в руки,
неизвестно зачем
её нужно рассматривать,
неизвестно о чём
говорить.

2002

ДВА ПОСВЯЩЕНИЯ***

1.

*ККК,
человеку,
самолёту,
лэндроверу,
пулемёту,
поэту.*

.....
.....
.....
.....
.....
.....
.....

.....
.....
.....
.....
.....

2.

*пограничному столпу
между статусом и штатом,
между сленгом и матом,
западом и востоком,
ветром и потоком,
между морем и сушей,
путиным и бушем,
разумом и маразмом,
мастурбацией и оргазмом,
между временем и сроком,
пророком и пороком,
питером и александрией,
триппером и гонореей,
дэлавером и днепропетровском,
эпосом и наброском,
между здарсьте и досвиданьем,
кастрацией и обрезаньем,
минетом и ланетом,
прозаиком и поэтом –
Константину Константиновичу
Кузьминскому.*

.....
.....
.....
.....
.....
.....
.....
.....
.....
.....
.....
.....
.....

2006

* Стих про осу в стилистике знаменитого Кокиного «возлёт бы я на полочку, а голову на лавочку» был отправлен в Делавер в знак примирения в 1999-м. Однако КК ответил не сразу. Как выяснилось, его накануне покусали осы и моё балагурство было принято за издёвку.

** Этот текст КК ценил выше других. Тут же включил меня то ли в пятёрку, то ли в десятку (не меньше) русских поэто-художников или художников-поэтов. К фотографии сделал пояснение: каждому «неизвестному» дал имя. И приписал: ЭТО МЫ – АНДЕГРАУНД. К сожалению, письмо не сохранилось.

*** Посвящения написаны перед потоком в Делавере, после чего КК написал: это рок, хватит заниматься другими, займись собой.

СЛАВА ЛЁН

Приведу чрезвычайный казус с куском текста ККК, случайно попавшего мне на глаза, когда я писал РУССКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ МИФ.

В эпосе ОЙКУМЕНА – АД этот кусок текста показался мне подходящим по теме, и я, не задумываясь, его дописал (после отточий – моё). Послал новый текст ККК, испрашивая разрешения печать. Он радостно согласился (не часто его тексты пользуют!) и удивлённо спросил – откуда? – Ты оставил у меня при отъезде.

эллины любить умели
смерть улыбкой приглашали
эллины кого-то ели
и кому-то там мешали

и от них остались тени
храмы статуи и вазы
были эллины ли теми
и зачем погибли сразу

на быках был Крит подъят он
Греция хотела Понта
чёрным пламенем объята
зрели стру(ны/и) Ахеронта

дни летели как метели
дыни зрели как гантели
Парки нить свою мотали
и кого хотели ели

удовлетворял капризы
Зевсом главный бог Эллады
ели были кипарисы
лавр уже дышал на ладан

пеплом рушились Афины
Фивы строенные кровью
строим плавали дельфины
прислонившись как слоны

как с луны упал Акрополь
наша гордость и краса
и Перикл глушивший ропот
вёл народ к агону ЗА

а гетеры танцевали
агитировали мужа

а потом кричали vale –
он не нужен! он не нужен!

.....

от Платону до Плотину
греки холили затею
Родины – ни за полтину
получили Византию

и с понта был Понт построен
на постромках он держался
на понтонах и Державин
с Трои начал петь Державу

и хотя Лука Мудищев
пнём болтался под ногами
Тыщу лет – теперь Две тыщи
Бог с народом! – моногамный

Иисус Христос любимый
из варяг построил в греки
путь дорогами любимыми
через чур моря и реки

но певец Эллады Пушкин
написав Гаврили–АДУ
херил Бога на опушке
Анне Керн подсыпав Яду

от стыда за амфибрахий
краденый заря зарделась
в Дарданеллах слишком братских
с турком в блядских Дарданеллах

влез на цоколь и в бинокль
разглядеть пытаюсь мирно
где родной Константинополь
Истамбула вкось и мимо

по гарему ходят Фриды
по полу мозаик древних
но – ни пушкинской Тавриды
ни Потёмкинской деревни

где ты Родина? – неброский
твоего самоубийства вид!

...по-римски пишет Бродский
другу-Бобышеву письма

Кузьминский – Лён

2010